

Макиавелли Никколо Золотой осел filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Золотой осел

Макиавелли Никколо
Немало горя, муки и печали,
Ослом оборотясь, изведаль я,
О чем и повествую. Но вначале

Читателям открою не тая,
Что голос мой – не фебова рулада
Строка – не геликонова струя,

Засим, что гармонического лада
Уж нет у стихотворцев, а ослам
Подобного тем более не надо.

И, написав свою поэму сам,
От ругани я не утрачу духа,
И похвалям значенья не придам.

Уж если человеческое ухо
Не слышит голоса разумных нот,
Ослиное–то к ним тем паче глухо.

И пусть осла хозяин палкой бьет,
Ослиное упрямство только гаже:
Мол, сделаю как раз наоборот.

О том поговорим еще, пока же
Скажу: явил в обличии осла
Премного я и норова и блажи.

Хмельной воды напиться – повела
Меня Сиена; ну, да что земная!
И геликонова мне не мила!

Итак, обильем ругани и лая
Кому-то я и не потравлю, чать.
Но небо, милости ниспосылая,

Да не наложит немоты печать!
Я, об ослиной говоря судьбине,
Хочу с одной побасенки начать.

Дом во Флоренции был – есть и ныне.
А в нем семья жила и отрок рос.
Отец и мать заботились о сыне.

Но доводил отца и мать до слез
Сыночек их, по улице гоняя.
И сею дурью занят был всерьез.

Не ведая родные шалопаю,
Откуда на него и почему
Напасть необъяснимая такая.

И приглашали докторов к нему
И голову ломали грамотеи.
Но был и им вопрос не по уму.

От каждой новой лекарской затей

Макиавелли Никколо Золотой осел filosofff.org
Наш недоросль, недуг не поборов,
По улице бежал еще быстрее!

Но, наконец, один из докторов
Пообещал родителям больного,
Что скоро будет их сынок здоров.

Нам мило утешительное слово.
И, зная, что недуг неизлечим,
Обманщикам мы кланяемся снова.

И снова надувательство простим,
И разоримся, но врачам заплатим:
Нам нездоровье – на здоровье им.

Ученым словом и ученым платьем
Целителя был убежден отец.
Так не поверили б друзьям и братьям.

И все стерпел безропотней овец,
И снес кровопусканье малолеток.
И признан исцеленным наконец.

Не знаю, силою каких таблеток
Иль волхвований исцелился сын,
Отцу же наш целитель молвил этак:

Пусть-де, четыре месяца один
Не ходит сын. Пусть недреманным оком
За ним следят, разумных средин

Уча держаться. Если ненароком
Шаги ускорит, пусть уговорят,
Где лаской убеждая, где упреком.

И пролетели, стало быть, подряд
Благополучнейшие три недели.
Тихоню новоявленного брат

Повел гулять по улице Мартелли.
Спокойно отрок шествует, но вдруг
Глаза его куда-то поглядели –

И вырвался наш паинька из рук:
Пред улицу Ларга в нем на воле
Былой опять заговорил недуг.

И малого, спокойного дотоле,
Опять охота странная берет,
Не знаю, от того ли, от сего ли.

С цепи сорвался отрок-сумасброд,
Плащ бросил оземь, возопил: «А ну-ка,
Все прочь с дороги!» – и помчал вперед.

И покорились родичи без звука,
Коль врач с отцом бессильны и вдвоем.
Не помогли ни деньги, ни наука.

Так мы, хотим иль нет, а признаем:
Природу одурачивать – пустое.

Макиавелли Никколо Золотой осел filosofff.org
Все ж настoит хозяйка на своем.

Мерещилось и мне, что уж давно я
Избавился от гнева и огня,
Живу спокойно, умника не строя,

Людей не осуждая, не браня.
И люди уж не чаяли подвоха –
Считали исцеленным и меня.

Но наша с вами такова эпоха,
Что даже благодущеший добряк,
И тот бранится – до того все плохо.

И снова желчью мой язык набряк,
Увы, как ни креплюсь я! Столько злобы
В душе от незадач и передряг.

А впрочем, хоть ослы и твердолобы –
Уж в этом я им должное воздам, –
Но и ослов упорство не спасло бы.

Нет, пусть лягаются и тут и там,
Когда кругом так мерзостно и жутко!
А то не угодили б небесам.

Приблизьтесь к этому строптивцу, ну-тка!
Казалось бы: не грустен, не сердит,
А вот, поди же, презабавна шутка,

Которую готовит вам бандит:
Вы с ласкою к нему, а сей скотина
Для мерзости к вам зад оборотит.

Пока в домах приличных воедино
Ругают невоспитанность осла, –
Ослон изображенная картина

Рисуется неспешно, спрехвала.

Но торопись! Все расскажи, страница
Пока не закусил он удила.
А зложелатель – да посторонится!

И вот уже, как водится в апреле,
Лучи живительные небо льет.
Они больную землю обогрели,

Прогнав метели, заморозки, лед.
И вот, блюдя охотничий обычай,
Уж и Диана меж лесных тенет

Со спутницами мчится за добычей.
И, продолжительней день ото дня,
Восходит солнце над главою бычьей.

И ослики гуляют, гомоня.
От них по всей округе суматоха.
Их долго не смолкает болтовня.

Известно: говорящих слышат плохо.
И потому-то громче трубача
И радостней иного пустобреха

Осел порой вопит и сгоряча
Кружиться по двору иль по овину,
О чем-то полюбившемся крича.

Так, день земной пройдя наполовину,
Я очутился в сумрачном бору,
О коем вам поведать не премину.

Как очутился, сам не разберу.
Но знал: отсюда всяк оставь надежду
Убраться поздорову-подобру.

Во тьме кромешной, продираясь между
цепляющихся сучьев и коряг,
Дрожал от страха я и рвал одежду.

И ужасал меня любой пустяк.
Но рог охотничий неумолимо
Вдруг прозвучал – и разум мой иссяк.

И, зеленея в очертаньях дыма,
Что твой мертвец, Курносая сама,
Помнилось мне, с косою проходит мимо.

Была, ей-Богу, столь кромешна тьма

Макиавелли Никколо Золотой осел filosoff.org
И грозны ветви, корневица, ели,
Что миг еще – и я б сошел с ума.

Я на ногах держался еле-еле. А
И вновь помнилось: проблески лучей,
Как факелы, в чашобе заблестели.

И сей далекий свет, не знаю чей,
Не исчезал, но в яркой позолоте
Казался все сильнее и горячей.

Я притаился в темноте напротив
И напряженно, как во глубь зеркал,
Смотрел, сомненьем душу озаботив.

Чудному шелесту, как он ни мал,
Под ветками безлиственного древа
Я, затаив дыхание, внимал.

Не помню, правда, справа то ли слева,
Но вот, являя обликом покой,
Вплыла прекрасная собою дева.

Держала огонь Она одной рукой,
Который-то и виделся далече,
И рог охотничий – рукой другой.

А за красавицей – животных вече:
Подпрыгивали суслики у ног,
И ладились пернатые на плечи,

И волк, и лев, и серна, и сурок
Участвовали в сем чудном спектакле.
И я хотел пуститься наутек.

И уж не знаю, право, так ли, сяк ли,
Но дал бы я отсюда стрекача,
Да с перепугу силы и иссякли.

Я не нашел в обратный мир ключа,
И к людям уводящую дорогу
Не осветила ни одна свеча.

Не ведал я, как быть, но, слава Богу,
Уже не ждал неведомого зла
И успокаивался понемногу.

Хотел идти к ней – но, тиха, светла,
Сама ко мне приблизилась красотка
И мне: «Добро пожаловать!» – рекла.

Непринужденно глянула и кротко.
Должно быть, приняла она меня
За брата или друга-одногодка.

И дружеская девы болтовня
Сознанье помраченное целила.
И я согрелся, словно у огня.

А дева молвила: «Какая сила
Тебя, скажи-ка, привела тура,

Макиавелли Никколо Золотой осел filosoff.org
Где поселиться никому не мило?»

А я залился краской – вот беда!
Как будто и забыл я – кто я, где я.
И вновь опомнился не без труда.

Хотел ответить, о былом жалея,
Что суета убогих дум и дел
Вконец запутала меня, злодея.

Но не ответил. То бледнел, как мел,
То от стыда краснел до слез я снова
И все молчал, как будто онемел.

А дева засмеялась: «Право слово,
Не умирай от страха. Глянь: стою,
Не замышляя ничего дурного.

Но в сем необитаемом краю
Мои слова, сам убедишься, вещи.
Услышишь ты историю свою.

Здесь видится отчетливей и резче.
Итак, рассказу моему внимли.
Прелюбопытные услышишь вещи.

Когда владыкой неба и земли
Юпитер не был, с острова родного
Цирцею силы рока унесли.

Но меж людей не находила крова,
За злое волшебство свое молвой
Ославленная, и скиталась снова.

Но тут не сыщешь ни души живой.
Волшебница утешилась и вроде
В сем буреломе обрела покой.

И поселилась мирно на природе,
Дабы подале от мирских сует
О человеческом злословить роде.

Не ведает об этом царстве свет.
Сюда дорога для людей закрыта,
А кто вошел – назад дороги нет.

И в доме, от зенита до зенита,
Пастушки-девы, в их числе и я,
Цирцею охраняют, будто свита.

И вот еще комиссия моя:
По зарослям, расселинам, дорогам
Вожу зверей, питаю и поя.

Но это попеченье – о немногом.
И я гуляю средь пещер и скал –
Всенепрменно с факелом и рогом,

Чтоб заплутавший кролик иль шакал,
О местонахожденье нашем судя,
По рогу иль огню, тропу сыскал.

И наперед тебе отвечу, буде
Захочешь знать, что за зверье вокруг:
Днесь – звери, ну а прежде были – люди,

Такие ж в точности, как ты, мой друг.
А не поверишь – погляди, как стадо
К тебе спешит угодливее слуг.

Оно приходу человека радо,
На задних лапках перед ним служа.
Твоей тоски, как лакомства, им надо.

Пришли они, как ты, и госпожа
Их палочкой волшебной превратила
Того – в медведя, а сего – в ежа.

Кто смотрит весело, а кто уныло.
И всякого в подобного зверька
оборотить – волшебница сила!

Ну, говорить достаточно пока.
Не то умрешь в придачу к прочим бедам.,
Пригнись-ка и иди исподтишка.

По счастью, Цирцее ты неведом.
Со стадом, чтобы проскочить тайком,
Ступай безропотно за мною следом.

Согнулся, опустил я, как ком,
И, от натуги потный и багровый,
В компании с теленком и быком

Пошел на четвереньках за коровой.

Оборотивши спину в темный купол,
Как зверь, я поспешал и неспроста
То нос я, то макушку щупал.

По-прежнему ли маковка чиста?
И не растет ли у меня на теле
Щетина или кисточка хвоста?

И то сказать: признайтесь, неужели
Строптивую осанку поборов,
На четвереньках этак не пытели?

Так, целый час натуги и трудов –
И мы остановились. Меж валами
Лежал наполненный водою ров.

Его внезапно осветило пламя.
Но, факельный огонь хотя не гас,
Казалось, тьма сплошная перед нами.

Чу! Долетел с той стороны до нас,
Стоявших в ожиданье на дороге,
Как ветерок, прошелестевший глас.

Еще маячил факел, и в итоге
Я, поглядевши пристально вперед,
Узрел великолепные чертоги.

Под портиком виднелся пышный вход,
Но жердочка, положенная хило,
Нас вынуждала к переходу вброд.

Пустились вброд и серна, и кобыла.
И только дева легкая одна
По шаткому мостку переходила.

На берег выполз я, хлебнув сполна.
А рядом то ли стало, то ли стая
За мною резво выбралась со дна.

И наша проводница дорогая
Препроводила, молчаливых, нас
И погасила свет, меня скрывая

От пристальных волшебницыных глаз,
И в темноте не понял я, откуда
Свистящий глас донесся в первый раз.

Не понимая, хорошо ли, худо
Я на дворе просторном без дерев
Остановился в ожиданье чуда.

Уж от усталости оцепенев,
Безропотные, потянулись звери

Макиавелли Никколо Золотой осел filosofff.org
Куда-то поодаль, на спячку в хлев.

А дева подвела к укромном двери
Меня и в горницу ввела свою,
Явив гостеприимство в полной мере.

Она к огню придвинула скамью
И усадила, обо мне радея
И увидав, что я едва стою.

И отогрелся в неге и тепле я,
И с силами собрался уж почти,
Желя объяснитья поскорее.

И начал я: «Мадонна, не сочти
Меня, с презреньем отвернувши очи,
За дурня, за невежу во плоти.

Пойми, я день оставил ради ночи
И очутился в сумрачном краю.
Подобная беда всего жесточе.

О да, ты сохранила жизнь мою.
Премного я обязан нашей встрече.
И это благодарно признаю.

Но ужас очутиться столь далече
У неизвестных и опасных врат
Лишил меня, мадонна, дара речи.

И вот теперь я огорчен и рад.
Тем огорчен, что испытал вначале,
Зато тобой обрадован стократ.

я был во власти страха и печали
И, как слепой, смотрел в ночную мглу.
Слова и крики в горле застревали.

Но наконец-то говорить могу.
За ласку, кров, радушие – за это,
Мадонна, я перед тобой в долгу.

Но песенка моя, быть может, спета.
Куда теперь дорога мне, скажи?
В пределы мрака иль, быть может, света?»

«Столь бед, гонений, клеветы и лжи,
Сколь видел ты, от века не видали
Ни древние, ни новые мужи.

Судьбою ты заброшен в эти дали.
Она одна виновница тому,
Что ты увидел и увидишь дале.

И стало быть ты понял что во тьму
К Цирцею ты закинут волей рока.
Твой рок – противник счастью твоему.

С тобою поступает он жестоко.
Но да уйдут сомнения твои.
Да будет мысль ясна и зорко око.

Все жалобы и стоны затаи.
От звездного не отвращайся лика.
То всходят, то заходят звезд рои.

То так, то сяк. Сменяет клику клика.
То день, то ночь, то холода, то зной.
Все движется от мала до велика.

То миром занятые, то войной,
Народы двери раскрывают настужь,
А после вал возводят крепостной.

Но избежать того не в вашей власти ж.
Вот почему ты страждешь и теперь
И муками себе рассудок застишь.

Вот почему твоя судьба, как зверь,
Пока лютует. Не перечь ей даром.
И обольщениям пустым не верь.

Она лютует в ослепленье яром.
Покамест не ушла ее пора.
Но будет все ж конец слезам и карам.

Настанет час, и сменятся ветра.
Ночь кончится, и день начнется снова.
И завтра будет лучше, чем вчера.

И для тебя оно на все готово.
И посмеешься ты тогда до слез
Над злоключеньями пережитого.

И ты его представишь как курьез,
И, руки в боки перед другом стоя,
Расскажешь о несчастьях невсерьез.

Но, прежде чем разыгрывать героя
И упиваться жизнью, надлежит
Принять тебе обличие иное.

Среди людей нечеловечий вид
Храня, от них тебе увидеть надо
Немало унижений и обид.

А потому я ныне в это стадо
Тебя приму и у лесных дорог
Пасти тебя премного буду рада.

Для человека повелитель – рок,
И для героя, и для шалопая.
Бывает он то милостив, то строг.

И вот он к нам тебя привел, желая
Тебе уроки днесь преподнести,
Курс хрюканья, и бляенья, и лая.

А потому отныне не грусти,
Но до конца будь мужественным, ибо
За все, что ныне терпишь на пути,

Судьбе однажды скажешь ты спасибо».

Покамест мне рассказывала донна,
Сидел я, притулившись у огня,
Обескураженно и огорченно.

Потом ответил: «Небо не кляня,
Смирюсь я с судьбиною убогой
И принимаю все, что ждет меня.

Но все ж, надежда, хоть чуток растрогай
И сладкими виденьями насыть.
Пошел бы к благу я любой дорогой.

И да прядут богини Парки нить
Моей судьбы, как и пряли дотоле.
Как пожелают, так тому и быть.

И вдруг прошли мучения и боли:
Ко мне прижалась дева и в уста
Поцеловала раз, и два, и боле...

«Сие, – она сказала, – неспроста.
Но в будущем опишутся поэтом
Твои хождения и маета.

Однако ж полно говорить об этом.
Ведь я уйду, едва отступит ночь,

Макиавелли Никколо Золотой осел filosoff.org
Пасти зверей, тебе ж, по всем приметам,

Усталости и сна не превозмочь.
А заодно и закусить не худо.
Что ж, я тебя попотчевать не прочь».

И все взялось, неведомо откуда.
Уж крепкий стол придвинут к очагу.
А на столе и скатерть, и посуда.

И я отведать наконец могу
Изысканных курятин, и белужин,
И хлеба, и салата, и рагу.

Я сел за стол, нимало не сконфужен.
И с девою, но более один
Я уничтожил и вкуснейший ужин,

И золотистого вина кувшин.
В такую ночь могу до самой зори
Вкушать нектары солнечных долин.

«Утешимся. Разумный помнит: горе
С благополучьем ходит заодно.
Днесь – хорошо, да что-то будет вскоре?

Но горе и на пользу нам дано.
Как снадобьем, порой им кровь согрета.
Но пить его не стоит, как вино.

Останемся же вместе до рассвета,
Пока не позвала меня заря
Пасти бесчисленное стадо это».

И, словом, утешались мы не зря,
Вино вкушая, поцелуй множа
И о приятном всяком говоря.

А после возлегла она на ложе,
Одежды сняв. И я меж простыней,
Как благоверный, растянулся тоже.

О Музы! Вы опишете живей!
А сей невзрачный, заурядный слог – он
Не скажет о возлюбленной моей.

Красавицы пышноволосой локон,
Отбившись от товарищей своих,
Казался светом солнечным из окон.

И был так нежен, и глубок, и тих
Огонь очей, и сами очи сини,
Что умолкает и тускнеет стих.

А я не забываю и поныне,
Задумавшись и грезя наяву,
О безупречном профиле богини.

И оттеняющие синеву
Пушистые ресницы днем и ночью
Я буду прославлять, пока живу,

И не умерю болтовню сорочью!
А носик милой! Так прекрасен! Ох,
Прекраснее не увидеть воочию!

А ротик! И у многих он не плох,
Но отрицать попробуй-ка, посмей-ка:
Сей – сотворил собственноручно Бог!

И язычок, как розовая змейка
Меж совершенных зубок-жемчугов,
Как патока, поблескивает клейко.

А ветерок дыхания таков,
Что мнится – словно луговые дали,
Благоуханьем полнится альков.

А подбородок, шейха и так дале...
Забыли б вы все прелести менад,
Когда бы эту прелесть увидали!

Рассказывать ли далее подряд
Ведь искренности публика не рада.
И не за ложь, за истину бранят.

Вестимо, откровенничать не надо,
Я в сем удостоверился давно,
Однако ж откровенье мне – услада.

А красота как доброе вино.
О тонкий стан, о шелковая кожа!
Подумаешь – и на душе хмельно.

Но, рядышком с красавицею лежа,
Не видел я подруги ниже плеч,
Боясь отбросить одеяло с ложа.

То холодел я, то горел, как печь,
Но не касался до прекрасной, в страхе
Напасти снова на себя навлечь.

Ронял я, изнывая, охи-ахи,
Но не решался перейти предел
И был, как злоумышленник на плахе.

Лежал и шевелиться я не смел,
Как будто то не ложе, но могила.
И сам от страха был мертвецки бел.

Картина эта деву рассмешила
И молвила она: «Велик твой страх.
Иль, может, я – великая страшила?»

Ты поначалу мчал на всех парах.
Иль из другого ты, быть может, теста?
Почто остановился и зачах?

Ты в это Богом проклятое место
За мной пришел, как в старину герой,
Летевший к Гере в Абидос из Сеста.

А вот теперь, как тяжелобольной,
Лежишь под одеялом, холодея.
Придвинься ближе и лицо открой».

Я прижимаюсь сиротливо к краю
И на подругу резвую свою
Сперва еще с опаскою взираю,

Затем, покамест так же на краю,
Оборотиться к деве я рискую –
И вот уже немного привстаю.

И придвигаюсь наконец вплотную.
И к вожделенному исподтишка
Протягиваю руку ледяную.

Едва ж коснулась красоты рука
Тотчас почувствовал я: прелесть эта,
Как никогда, желанна и сладка!

И, новым ощущеньем обогрета,
Былое обрела душа моя
Достоинство и мужа, и поэта.

И, своего восторга не тая,
Я снова целовал ее и снова.
«Благословенны темные края, –

Макиавелли Никколо Золотой осел filosoff.org
И больше не было меж нами фраз.
Исчезло все в чарующем тумане.
Все огорчения забылись враз.

И наслаждений не было желанней
И поцелуев жарче. Наконец
Настал черед последних содроганий.

И я на ложе рухнул, как мертвец.

На смену ночи приходило утро,
И звезды погасившая заря
Небесные оттенки перламутра

Уж покрывала цветом янтаря.
Глаза раскрыла милая наяда
И поднялась со вздохом, говоря:

«Мне непременно на рассвете надо,
К работе не выказывая спесь,
Вести в леса проснувшееся стадо.

А ты, голубчик, оставайся здесь.
Но не грусти и побори истому.
И все обдумай, рассуди и взвесь.

И, главное, не выходи из дому.
Беру тебя покамест на постой.
Не отзывайся зову никакому».

И вот сижу я в горнице пустой.
Я с неохотою покинул ложе.
Мечтаю с нетерпением о той,

Которая мне ныне всех дороже.
Страсть полыхает, как огонь, в груди,
И продирает, как мороз по коже.

Но в одиночестве сколь ни сиди,
Все скоро вновь покажется немило.
И ждешь со страхом: что-то впереди?

Не стало вновь ни куража, ни пыла.
Рассеялись мечтанья в пять минут.
Я призадумался совсем уныло.

И снова думы к прошлому текут.
И вот уж исчезаю, словно тень я,
А призраки приходят в мой закут.

Являются цари как привиденья.
И вижу, точно в дали голубой,
Историю их взлета и паденья.

И изумлен я общею судьбой,
Какая очень многими владела.
И долго рассуждаю сам с собой.

И понимаю ясно: то и дело
Приходит к своему пределу власть
Тогда, когда не ведает предела!

А в том вожде, кто уж не правит всласть,
Играют раздражение и злоба.
Кто сверг – тому от свергнутого пасть!

Один – у трона, а другой – у гроба,
Но, как невольник, так и господин,
Окажутся в одной упряжке оба.

И всяк, кто доживает до седин,
Наслышан о противоречьях этих.
Однако же не верит ни один.

И вот пример. Жил и в отцах, и в детях
У моря гордый венецыйский лев.
Топил соседей, и других, и третьих.

Губил и королей, и королев.
И, возмечтав о собственном престиже,
Повергнут был, едва не околев.

И безрассуден честолюбец, иже
Глядит, как победитель на коне:
Стремясь все выше, падает все ниже.

Афины, Спарта, славные вполне,
Росли, пока других не побороли.
А поборовши, пали и оне.

Но жил себе укрочно и на воле
Немецкий город. Он и ныне жив,
Заняв в округе пару миль, не боле.

И Генрих флорентийцев обложив,
Не устранил свою ратью града,
Не жаждавшего лавров и нажив.

А ныне уж Флоренция – громада,
Туда распространилась и сюда,
Сама ж – от мухи запереться рада!

И, стало быть, умеренность тверда,
И не тверда чрезмерность, хоть и яро
Кипит и покоряет города.

Всех безрассудных постигает кара,
Захочешь все – не будет ничего.
Печальна участь, например, Икара.

Среди правителей лишь у того
Бывает совершеннее путь и гладок,
Кто соблюдает закона торжество.

Без сор, и передряг, и неполадок
Там воцариться благодать сама,
Где суть необходимость и порядок.

Но, коли нету здравого ума,
Не будут долговечными державы,
Где перемен сплошная кутерьма.

А вот еще: правители не правы,
К примеру , и в такой стране, в какой
Законы хороши, да плохи нравы.

Вспомним об истории мирской.
Молились все империи сначала
За здоровье, потом за упокой.

Так, поднялась одна и прахом пала:
Была великим Нином собрана,
Потом погибла от Сарданпала.

Так создается доблесть страна,
И, пиршество устроив на покое,
На пиршестве и рушиться она.

И, лишь урезанная вдвое, втрое,
Спасаясь от невольничьих оков,
Она проявит мужество бывшее.

Пришедшее – уйдет: закон таков.
И тут бессильны и борьба, и ковы.
Ведь сей закон – основа из основ.

Извечна смена доброго и злого.
Сперва добру наследовало зло,
Чтоб злу добро наследовало снова.

Макиавелли Никколо Золотой осел filosoff.org
Вот говорят, что к краху привело
Иные города скотство людское.
Да, мненье убедительно зело.

Кричат, мол, славно государство, кое
Блюдет и строгий пост, и строгий нрав,
И граждане его – вот, мол, герои!

Однако же на деле будет прав
Ответствующий им, что, тем не мене,
Не набожность вершит судьбу держав.

Ведь, если жили в праздности и лени,
Так тем и навлекали массу бед,
Хоть падали во храме на колени.

Да, надобно молиться, спору нет.
Решительно правители не правы,
На веру наложившие запрет...

Коль в гражданах благочестивы нравы,
В стране порядок, а в порядке том
живут благополучнейше державы.

Но, коль иной безумец и вedom
Мечтой, что жив лишь благочестьем этим,
И не латает рушащийся дом –

Найдет конец в нем и себе, и детям!

Пока, задумавшись о брэнной славе,
Я в глубину истории залез,
Земное солнце закатилось въяве.

Да, въяве, по окружности небес,
Движенье завершая полукруга
И опускаясь за дремучий лес.

Издадека уверенно, упруго
Донесся шаг упитанных кобыл.
Подходит с подопечными подруга.

А я сижу подавлен и уныл,
Как будто мучусь и на самом деле.
А об отраде начисто забыл!

Забыл я о прекрасной неужели?
Нет, глянул – снова потерял покой.
К красавице все мысли улетели.

Она погладила меня одной –
Другую же рукой к себе прижала.
И я сидел близ девы, как ручной.

Смущение вернулось поначалу,
Потом веселие взяло меня,
Поддержанное влагой из бокала.

И мы вдвоем, смеясь и гомоня,
Чесали языки, как кум с кумою,
И ужинали, сидя у огня.

Но говорит хозяйка с прямою,
Улыбчивых не опуская глаз.
«Идем со мной. Тебе секрет открою».

«Приходит, – продолжает, – ныне час.
И снова я твоей вожатой буду.
Узнаешь, что имеется у нас.

Я приведу тебя туда, откуда
Увидишь сотоварищей былых.
Явлю тебе пример добра и худа».

Вновь на меня оцепененья стих
Нашел, но повелительницы, право,
Был глас успокоителен и тих.

И вывела меня наружу пава.
Царила ночь. Не близилась заря.
И мы пошли и повернули вправо.

И вот, себя куража и бодря,
Я вижу двери, сделанные просто,
Как будто в келейках монастыря,

Не выше человеческого роста
В проходе по обеим сторонам.
Обшивка будто грубая короста.

Дверь первую открыли. Тотчас к нам
Животные. За новой дверью – тоже.
Подруга молвит: «Объясненье дам.

Волшебница число животных множит
И здесь их сводит, судя по тому,
Насколь при жизни нравом были схожи.

И вот сюда заходишь, как в тюрьму,
К могучим львам, открыв задвижку эту.
Но я замка, пожалуй, не сниму.

В иных узревши благородства мету,
Цирцея им обличье льва дала.
Но флорентийцев среди этих нету.

И правда, благородные дела
Давненько родину твою не грели.
Живет она без света и тепла.

А вот другая дверь: в медвежьем теле
За ней рычат и скалятся теперь
Насильниками бывшие доселе.

Еще пройдем немного. Верь не верь,
Но рядом волки в атмосфере спертой.
И это волчья, сиречь – третья дверь.

А вот быки и буйволы когортой.
Цирцеиной не минув кабалы,
Свирепые засели за четвертой.

За пятой те, кто на кормежку злы.
Обожрались они на вашем свете.
Былые лакомки теперь козлы.

Но полно. Бесконечны двери эти.
Не осмотреть зверинца до зари.
Зверьем забиты закуты и клетки.

А вот на эти двери посмотри.
Ведут они к слонам, пантерам, ланям.
Животные безвыходно внутри.

Пора нам восвояси часом ранним.
Однако же задержимся вот тут.
На эту дверь двустворчатую глянем.

И ты, пожалуй, не сочти за труд,
Хотя, конечно, этот запах гадов,
Узнай, какие звери здесь живут.

Не стану задавать тебе загадок.
Поведаю в подробностях, каков
В загоне установленный порядок.

Так, хищники всех видов и родов
От крокодила до гиппопотама
Закрыты непременно на засов.

Но видишь двери перед нами прямо.
Тут позволяют выйти за порог.
Тут как бы ваша долговая яма.

И, стало быть, режим не очень строг.
И на площадке этой могут звери
Прогуливаться вольно, без морок.

Ты сможешь по одной такой вольере
Судить о многочисленных других.
По ней поймешь о прочих в полной мере.

И в этой же вольере, во-вторых,
Заклочены не кто-нибудь, а те, кто
Был особенно знаменит и лих.

Теперь они бесчувственная секта.
Но приглядишься: был знаменит любой.
Узришь во всяком важного субъекта».

И повела в сторонку за собой.
И мы открыли дверь очередную.
И замер я пред новой гурьбой.

Узрел колосса я и обрисую:
Не виделось ему концов-начал –
Огромному гранитному статую.

Как на слоне когда-то Ганнибал,
Глядел он горделиво, разудало,
Несокрушимость камня выражал.

И примостились, как и подобало,
У каменных несокрушимых ног
Тот, и другой, и третий прихлебала.

Кто честолюбец, тот не одинок,
«Ты видишь: родина его – Гаэта.
Как извещает лавровый венок, –

Сказала донна, – за тщеславье это
Цирцея удостоила вельми
Сего аббата, якобы поэта –

В зверинце возвышаться над зверьми.
А по такому горе-корифею,
Какое тут собранье, сам пойми.

Но надобно спешить. Не то Цирцею,
С тобою загулявшись тут вдвоем,
Я обмануть сегодня не сумею.

Идем же далее. Ступай в проем
И в новый переход за мною выйди.
В одну-другую клеть еще зайдем.

Надеюсь, на меня ты не в обиде».

Мадонна резким сдвинула ударом
Задвижку, распахнула дверь, и мы
Порог переступили. И недаром.

Тут кто-то был. Послышались из тьмы
Загадочные в закуте зловонном,
Но явственные звуки и шумы.

Не знаю, бросился навстречу кто нам.
Освободила донна от пелен
Светильник, прикрываемый хитоном.

О небеса! Как был я изумлен.
Увидел я в пределах как бы зала
Зверей не пять, не десять, но мильон.

«Ты удивился, – спутница сказала. –
Увидевши не группу, но орду.
Действительно, животных здесь немало.

Четвероногих, и других найду –
Тут обитает и змея, и птица.
Вон, погляди, порхает какаду».

И разглядел я – живность суетится
У наших ног. Кого тут только нет!
Поверьте описанью очевидца!

Я, каюсь, – не ученый-зверовед,
Но рассказать хочу о многих разом
Животных с особенностью примет.

Вот, помнится, в углу, за дикобразом,
Лежала кошка, не ловя мышей,
Наказанная за ленивый разум.

А вот дракон, стоглав и кривошей,
Летал, кружил, то далеко, то близко,
Не мог угомониться, хоть убей.

Спала поодаль хитренькая лиска,
И туг же лаял бестолковый пес
На юный месяц, как на василиска.

А рядом самого себя до слез
Кусавший лев, рыча от боли глухо,
Вину за глупые советы нес.

А вот картина – общая поруха:
Животные за прошлые грехи
Сидели кто без глаза, кто без уха.

Теперь все стали смирны и тихи.
Всех больше было, помнится, баранов,
И кроликов, и прочей чепухи.

И вдруг увидел я, подальше глянув,
Что меж непривлекательных тетерь,
Окраской изумительно каштанов,

И вдруг увидел я, подальше глянув,
Что меж непривлекательных тетерь,
Окраской изумительно каштанов,

Красив и соразмерен, как ни мерь,
С приятностью, прошу прощенья, морды,
Сидит невиданный, изящный зверь.

Глаза его, презрительны и горды,
Блистают, но без злобы и угроз,
Оглядывая сборища и орды.

У зверя я увидал себя услужливостью наказав,
Всю залу обходил, как раб триклиний,
И перед каждым шею гнул жираф.

Но чванился узорчатостью линий
И словно говорил: «На всех плюю!» –
Павлин, распахивая хвост павлиний.

И чудо-юдо, помнится, свою
Диковинную спину изогнуло,
Дав место ворону и воробью.

Зверь или не зверь стоял в углу сутуло.
Он показался мне, безрог, кургуз,
Ублюдком каракатицы и мула.

А вон – ишак. Он не терпел обуз.
Не подходи, мол, я тебе не кляча!
Он от безделья пухнул, как арбуз.

Макиавелли Никколо Золотой осел filosoff.org
А тут, и там, назойливо маяча,
Вынюживала вдоль и поперек
Ищейка, за пронырливость незряча.

И под ногами был так мал хорек,
что бегая от края и до края,
От тумачков себя не уберег.

Во все углы влетая и влезая,
То лаяла, то делала апорт
Хозяина искавшая борзая...

Многообразие голов и морд
С годами подзабыв, поди попробуй
Теперь в подробностях писать рапорт!

Все ж вспоминаю: буйвол крутолобый
Набывчивался, душу леденя,
И на меня тарачился со злобой.

А вот сама боялась, как огня,
Очами увлажненными блистая
Олениха, отпрянув от меня.

И вперемешку копошилась стая,
Но в одиночестве сидел беляк,
Напоминавший спесью горностая.

Мартышка же, кривляка из кривляк,
Сидела, точно вовсе без извилин.
Всех передразнивая так и сяк.

Веселая синица, мрачный филин,
И зверь вон тот, и пташечка вон та..
Но нет, я перечислить всех бессилён.

Вдали он слон, вблизи же – мелкота.
И часто по ошибке за Катона
я принимал облезлого кота!

И в наше время, как во время оно,
Такие недоразуменья сплошь:
Летит, как сокол, сядет, как ворона

Но как же я среди этих морд и рож
Без толмача по-волчьи, по-бараньи
Поговорю про истину и ложь?

я снова был отчаянья на грани,
Но прошептали милые уста:
«Я обо всем подумала заранее.

Мы в этом помещенье неспроста.
Ты погулял тут, подивился всяко.
Гляди-ка в направлении перста.

Вон, у корыта, экий раскоряка!»
И я узрел в посудине бурды
Огромного недвижимого хряка.

В сравненье с ним и жирные худы!

Макиавелли Никколо Золотой осел filosoff.org
Не знаю, королем ли мясобоен
Назвать его, но весил он пуды.

И спутница рекла: «Будь смел, как воин,
Тогда вниманья этого «гуся»
Ты, несомненно, будешь удостоен.

Его послушай, впрочем, не прося,
Чтоб воротился он к привычкам старым.
И в этом суть, я полагаю, вся:

Его ведь не заманишь и нектаром
Стать человеком и уйти домой.
Но только время потеряешь даром».

И был обескуражен разум мой.
А донна без дальнейших разговоров
Меня ведет в потемки по прямой.

И вот к нам рыло поднимает боров.

Он поднимает нехотя хлебало
От тошнотворного корыта; близ,
Сказать по правде, сильно в нос шибало.

Скотину облепляли грязь и слизь.
И около корыта море жижи
И нечистоты вонью разнеслись.

Я подошел из вежливости ближе.
«Словам твоим, – промолвил я ему, –
да внемлет небо. Так моим внемли же!

Смотрю я на тебя и не пойму,
Какое до зловонной лужи дело
Людскому благородному уму?

На невидаль взираю обалдело.
Но в эти земли, временно видать,
Того, чьей благодати нет предела,

Меня к тебе прислала благодать,
Чтоб мудрости у твоего корыта
Мне, неучу, немного преподать.

Но радуйся: и шкуру, и копыта
Ты можешь наконец оставить. Я
Возьму тебя обратно. Дверь открыта».

Но мне без отговорок и вранья
Стоявшая в блевотине и кале
Начистоту ответила свинья:

«Не знаю, ты пришел издалека ли,
Но я с тобой назад не побегу.
Напрасно вы засовы отмыкали.

Вот мой ответ. И больше – ни гу-гу.
К тому добавлю лишь, что вашей чаши
Испить не пожелаю и врагу.

А вы воображаете, что краше
Порядков ни во сне, ни наяву
Не может во вселенной быть, чем ваши!

Но ты меня послушай – и плеву
Подобных заблуждений, как радетель
Об истине, я с глаз твоих сорву.

Признаю, правы те – отцы ли, дети ль,
Коль осмотрительность им дорога
Как важная для жизни добродетель.

С ней отличаешь друга от врага,
Иначе обманули б, обобрали,
А то бы и наставили рога.

Что ж! Говорю, не будучи в запале,
Что с нашей осмотрительностью мы,
Животные, ушли намного дале.

К примеру, кто освободил из тьмы
И знаньем и люцерны, и цикуты
Образовал звериные умы?

И, ни бедой, ни хворью не согнуты,
Живем. И без боязни и возни
Меняем и стоянки, и закуты.

Да! В холоде разумнейше одни,
В тепле другие, ищем, где отрада.
Природа нам понятна и сродни.

Тогда как не от зноя не от хлада
Туда-сюда по свету мельтеша,
Вы рыщете, где надо и не надо.

И ваша надрывается душа,
Порвав необходимые оковы
Тепла и ласки ради барыша.

За золотом стремитесь далеко вы.
И к черту на куличики за ним,
Вы и туда отправиться готовы.

Мы лишь от непогод себя храним,
А вы и нег, и роскоши вкусили.
И погляди, как человек раним.

А не поговорить ли нам о силе?
Что скажем, коль начнем судить по ней?
Так что ж выносливее: люди или?..

Как дважды два понятно: не сильней
Вы ни гиппопотамов, ни тапиров.
И даже ни баранов, ни коней.

Да, ваш наряд узорчат и порфиоров,
А что до благородства, вот уж ой!
Герои вы, другому яму вырыв.

Как римляне, и старший, и меньшей,
Благотворившие не славы ради,
Мы, звери, вас прекрасней и душой.

И гордый лев мечтает о награде
За подвиг свой, а зла не вспомянет –
На злоумышленника и не глядя.

Иные звери рвутся из тенет,
Не уступая никаким оковам,
И гибель выбирают, но не гнет!

Ведь непонятно только бестолковым,
Что для животных гнет невыносим.
До нас и в вольнолюбье далеко вам.

Скажу о воздержании засим.
Ведь наше поклоненье и Венере
Разумнее. И тут мы не форсим.

В любви умеренны и строги звери.
А посмотри-ка, люди каковы.
Не помнят ни о здравье, ни о мере.

Поев порою мяса иль травы,
Легки мы и подвижны в промежутке.
А что и сколько лопаете вы!

О до чего изощрены и жутки

Макиавелли Никколо Золотой осел filosoff.org
Количеством и качеством харчи,
Которыми язвите вы желудки!

Нет, мало вам пекомого в печи –
Полезли в закрома и к океану.
Так кто умней, отсюда заключи.

А на счастливых и несчастных гляну –
Не знаю, что об этом скажешь ты,
Но я о вас заплачу и не спяну.

Живя без сплетен и без маеты,
Мы от природы доблестны, как люди,
А вы неблагородны, как скоты.

Да тут и спорить не о чем. А буде
Ты истины еще не видишь сей,
Ее я поднесу тебе на блюде.

У всех без исключения зверей –
Чутье, слух, зренье и другие снасти.
Чем оснащен двуногий фарисей?

Ну, осязаньем. Но от глаз не засти
И очевидность, что добро, и то
У вас пособница порочной страсти.

А наше платье? Жадно нажито?
Нет, но закрыты мы от ветра или
От холода теплее раз во сто.

Ну, а у вас растительность на рыле,
А остальное вечно непутем.
Ни чешуя, ни мех вас не укрыли.

Родимся мы – спокойно и растем.
А ваша родилась и плачет кроха.
Не мило вам на свете и дитем.

И до последнего вопите вздоха
Вам, плачущим недаром и невдруг,
До гробовой доски живется плохо.

Природой, кроме пары жадных рук,
Вам дан язык – для вашего же блага.
Но, дуракам, вам и язык не друг.

Да, от природы ваше племя наго.
Но и фортуна не щедра к нему.
И для него не сделает и шага.

И я страстишек ваших не пойму,
В вас перемешанных единой кучей,
И вашему не поклонюсь уму.

Бессильный гад меж нами редкий случай,
А между вами чуть не все подряд.
Вы и слабее зверя и колючей.

Ответь: у тигров ли, у поросят,
У пеликанов, у слонов, у блох ли –

Макиавелли Никколо Золотой осел filosoff.org
Кто был себе подобными распят?

Нет, пусть кажусь я апатичней рохли.
Ты о моем возврате не радей.
Давненько слезы у меня просохли.

Не верь, когда какой-то лицедей
Кричит, что жизнь ему отрада, дескать.
Отраднее, чем жить среди людей,

Со свиньями в хлеву помои трескать».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!